

Tatiana A. Matasova
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

TWO COPIES OF THE OLD RUSSIAN TRANSLATION
OF THE FIRST BOOK OF "COSMOGRAPHY" BY POMPONIUS MELA
DATING BACK TO THE REIGN OF MIKHAIL ROMANOV

The article presents the main results of the complex analysis of two codexes dating back to the 17th century which contain the Old Russian translation of "Cosmography" by Pomponius Mela. The main conclusions confirm and deepen the observations made before and based on the other copies of the text.

Keywords: "Cosmography" by Pomponius Mela, Old Russian translation, providentialism, perception

УДК 947.02/.04:327(094.2) ББК 63.2 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0020

Е. А. Мельникова

ИВИ РАН, Москва, Россия. melnikova_2002@mail.ru

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ЯЗЫКЕ «СКАЗАНИЯ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ»¹

В статье рассматривается отличительная особенность языка «Сказания о призвании варяжских князей» — использование парных синонимических словосочетаний (субстантивных, вербальных, атрибутивных), которые типичны для фольклорного текста, но отсутствуют в других частях летописей. Тот же тип словосочетаний представлен в преамбуле и эсхатоколе русско-византийского договора 911 г. Эта особенность может свидетельствовать об отражении своего рода «юридического языка» в «ряде» с варягами (ядре «Сказания») и близком по времени договоре 911 г.

Ключевые слова: «Сказание о призвании варяжских князей», парные синонимические словосочетания, русско-византийский договор 911 г.

Язык «Сказания о первых русских князьях» [Шахматов, с. 210–244], или «Древнейшего сказания», или «Ядра» [Гимон], считается относительно гомогенным². «Речь летописцев ясна и проста... Речь эта энергична, глагольна, сказуемое обычно выдвинуто на первое место... События, действия, движение — вот что стремятся передать летописцы, и эта задача требовала слога ясного, не осложненного украшениями» [Шайкин, с. 326]. Это определение относится ко всему летописному тексту, но оно особенно актуально для характеристики языка «Древнейшего сказания», которое представляет собой лапидарный пересказ бытовавших во время его составления исторических преданий, отобранных и выстроенных в последовательный нарратив — череду правлений первых русских князей³. Язык этих пересказов сух и лишен красочности: сообщаются лишь основные перипетии сюжета (его «скелет»), в результате чего безусловно доминируют субстантивные и глагольные лексемы⁴. Текст «Древнейшего сказания» содержит устойчивые словосочетания, характерные и для последующего повествования, как, например, «совкупи вои многы» (под 944 г.), «сеча зла» (под 971 г. и др.) [Творогов], но в незначительном количестве и преимущественно в рассказах о военных действиях, особенно походах Святослава [Орлов].

На этом фоне выделяется «Сказание о призвании варягов», насыщенное парными синонимичными словосочетаниями, которые в большинстве своем не повторяются в последующем тексте летописи, но по своим морфологическим и семантическим характеристикам близки фольклорным двухкомпонентным структурам — устойчивым сочетаниям слов, принадлежащих к одному лексико-грамматическому разряду⁵. В общей сложности таких словосочетаний в «Сказании» шесть (или семь)⁶:

¹ Статья написана в рамках работы над проектом № 18-09-00433\18, поддержанным ОГОН-РФФИ. Сердечно благодарю Т. В. Гимона за ценные замечания и соображения, которые помогли мне в работе над статьей.

² Б. А. Успенский определяет его как церковнославянский, хотя он «нередко предстает как русифицированный (в той или иной степени)» [Успенский, с. 101]. См. также: [Гимон, с. 768–769].

³ Реконструкции древнейшего текста, легшего в основу летописания см.: [Шахматов, с. 385–456; Михеев, с. 210–254].

⁴ О художественной роли глаголов в языке летописных текстов см.: [Шайкин, с. 327–329].

⁵ См. подробно: [Хроленко]. Автор использует вошедший затем в лингвофольклористику термин «репрезентативные пары», под которыми понимаются устойчивые словосочетания.

⁶ Из приводимого ниже текста исключены общепризнанные вставки летописцев конца XI — начала XII в. Полу жирным шрифтом выделены парные синонимические словосочетания.

ЛЛ (ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. 4-е изд. Стб. 19–20)	ИЛ (ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. 5-е изд. Стб. 13–15)	НПЛ (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М., 2000. С. 106–107)
В лето 6370. Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся.	В лѣто 6370. И изгнаша Варягы за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на род, и быша оусобицѣ в них, и воевати сами на са почаша.	Въ времена же Кыева и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии Словени, и Кривици и Меря... и дань даяху Варягомъ от мужа по бѣлѣи вѣверици; а иже бяху у них, то ти насиле дѣяху Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ и Чюди. И вѣсташа Словенѣ и Кривици и Меря и Чюдъ на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владѣти сами собѣ и <i>городы ставити</i> ⁷ . И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межии ими ратъ велика и усобица , и вѣсташа град на град, и не бѣше в нихъ правды.
И рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». И идоша за море к Варягомъ, к Руси... Рѣша Русь, Чюдъ, Словѣни, и Кривичи и вси: « Земля наша велика и обилна , а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжить и володѣти нами».	и ркоша поищемъ сами в собѣ княза, иже бы володѣлъ нами и радилъ. по раду по праву. идоша за море к Варагом, к Руси... ркоша. Русь. Чюдъ. Словенѣ. Кривичи, и вса земла наша велика, и шбилна. а нарада въ ней нѣтъ, да поидете кнажить и володѣтъ нами.	И рѣша к себѣ: «князя поищемъ, иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву». Идоша за море к Варягомъ и ркоша: « земля наша велика и обилна , а наряда у нас нѣту; да поидѣте к намъ княжить и владѣтъ нами».
И избѣрашася 3 брата с роды своими, поаша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣишии, Рюрикъ, [сѣде Новѣгородѣ], а другии, Синеусъ, на Бѣлѣозерѣ, а третии Изборьскъ, Труворъ.	и избѣрашася. трие брата, с роды своими, и поаша по собѣ всю Русь, и придоша къ Словѣномъ пѣрвѣе. и срубиса город Ладогу, и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрикъ. а другии Синеоусъ на Бѣлѣозерѣ. а третѣи Труворъ въ Изборьскѣ...	Избѣрашася 3 брата с роды своими, и поаша со собою дружину многу и предивну , и приидоша к Новугороду. И сѣде старѣишии в Новѣгородѣ, бѣ имя ему Рюрикъ; а другии сѣде на Бѣлѣозерѣ, Синеусъ; а третей въ Изборьскѣ, имя ему Труворъ...
По дву же лѣту Синеусъ умре и братъ его Труворъ. И прия власть Рюрикъ...	по двюю же лѣту умре Синеоусъ. и братъ его Труворъ. и прия Рюрикъ власть всю шдинь...	По двюю же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и прия власть единъ Рюрикъ, обою брату власть, и нача владѣти единъ.

Возможно, к числу парных словосочетаний следует отнести также выражения «родъ на родъ» / «градъ на градъ», которые являются ситуативными синонимами в ПВЛ и НПЛ.

Наиболее показательное употребление парных словосочетаний в НПЛ, которая, восходя к Начальному своду 1090-х годов, как считается, ближе всего передает текст «Древнейшего сказания», и все парные словосочетания НПЛ могут, очевидно, считаться принадлежащими наиболее раннему (близкому к изначальному)⁸ его варианту.

Парные словосочетания встречаются только в нарративной части рассказа. Ни в преамбуле сказания по ЛЛ и ИЛ (изгнание варягов, собиравших дань, и последовавшие затем распри), ни в заключительной его части, описывающей ситуацию после «прятия власти» одним Рюриком (по всем спискам), их нет. Только в НПЛ одно из парных словосочетаний, «ратъ велика и усобица», находится в преамбуле повествования; это может указывать на то, что в изначальном тексте парные словосочетания присутствовали и в преамбуле тоже, то есть пронизывали всю художественную ткань «Сказания». Можно поэтому предполагать, что в «Древнейшем сказании» начальная и заключительная части были максимально сжаты, но в основном нарративе летописец сохранил важнейшие особенности языка повествования, неотъемлемую специфику которого составляли парные словосочетания.

⁷ Олег «городы ставити» (под 882 г.), Владимир «городы ставити» по Десне и пр. (под 988 г.) и др.

⁸ Под «изначальным» текстом я понимаю ту совокупность устных вариантов «Сказания о призвании», которая сложилась, вероятно, в конце IX — начале X в. (принимая во внимание соображения Г. Шрамма о времени заимствования имен Рюрик, Синеус и Трувор [Schramm]) и существовала (с изменениями?) до начала XI в., когда стала известна составителю «Древнейшего сказания».

Во всех трех редакциях «Сказания» повторяются три из них: «владел нами и рядил/судил», земля «велика и обильна» и «княжить и володеть» — в формуле приглашения. Хотя обычно диалоги рассматриваются как позднейшие дополнения, эту фразу и П. С. Стефанович, и С. М. Михеев относят к древнейшему тексту «Сказания» [Михеев, с. 213–214], что полностью справедливо и в силу ее формульности, и в силу ее близости к «формуле приглашения» в других германских сказаниях о призвании правителей [Stender-Petersen, s. 52–75; Стефанович, с. 565–569]. В эту же «формулу приглашения» входит синонимическое словосочетание «княжить и владеть», отразившееся в «авторском» тексте в форме «владел нами и рядил (НПЛ, ИЛ) / судил (ЛЛ)», где «рядить» и «судить» являются синонимами (ср. фразеологизм «судить да рядить»). Несомненна принадлежность «изначальному» тексту словосочетания дружина «многа и предивна» в НПЛ, замененная в ПВЛ словами «вся русь».

Не представлены в тексте НПЛ только два парных словосочетания. Первое из них, «по ряду по праву» (ИЛ), соответствует однокомпонентному выражению «по праву» в НПЛ и ЛЛ. Было бы заманчиво предположить в НПЛ и ЛЛ упрощение исконного парного словосочетания, прекрасно согласующегося по своей семантике с контекстом. Его сокращение в НПЛ могло бы быть объяснено употреблением однокоренного глагола «рядил» в предшествующей паре «владелъ нами и рядилъ ны по праву» (однако это объяснение непригодно для ЛЛ, где фраза читается «володель нами и судиль по праву»). Поэтому вопрос об исконности этого словосочетания остается открытым. Второе, «к варягомъ к руси», читающееся в ЛЛ и ИЛ и представленное в НПЛ одним словом «к варягомъ», очевидно, является пояснением автора ПВЛ, согласующимся с его стремлением представить русь частью скандинавов-варягов и вводящим перечень «варяжских» народов (аналогичный перечню народов, «преседящих к морю Варяжьскому», во Введении к ПВЛ).

Парные словосочетания в «Сказании» принадлежат к разным семантико-грамматическим группам [Багликова]. В нем прежде всего представлены субстантивные словосочетания, едва ли не наиболее распространенные в фольклоре [Артеменко, Бобунова]: «рать велика и усобица», «по ряду по праву». В первом случае существительные близко синонимичны, во втором — находятся в отношении целое/часть: последнее слово уточняет первое: слово *варягъ* — собирательное обозначение скандинавов вообще, слово *русь* — это та часть скандинавов, которая пришла с Рюриком в качестве его дружины («пояша по собъ всю русь» — ПВЛ; «пояша со собою дружину многу и предивну» — НПЛ). Возможно, к парным словосочетаниям допустимо отнести, как уже говорилось, выражения «родъ на родъ» (ПВЛ) и «градъ на градъ» (НПЛ), которые выполняют в повествовании одинаковую функцию. Показательно, что все субстантивные словосочетания в «Сказании» либо включают дополнительные слова («рать [велика] и усобица»), либо допускают повторение предлогов, что указывает на незакрепленность этих словосочетаний (как фольклорных репрезентативных пар, например отец-мать, золото-серебро) и их окказиональность⁹ — не случайно они больше не встречаются в летописных текстах, хотя субстантивные устойчивые словосочетания нередки в летописи [Творогов, с. 283].

Вторую группу составляют вербальные парные словосочетания, представленные синонимичным выражением «княжить и володеть» и выражением «володеть и судить/рядить», в котором компоненты дополняют друг друга. Этот грамматический тип устойчивых словосочетаний, видимо, наиболее распространен в последующих летописных текстах, хотя и обнаруживает значительную вариативность и способность к расширению за счет включения существительных, наречий и др. [Творогов, с. 281–282].

Наконец, третья группа образована атрибутивными словосочетаниями (земля «велика и обильна», дружина «многа и предивна»). Эти пары окказиональны, семантика их составляющих определяется контекстом, и они не образуют устойчивых формул. Надо отметить, что употребление прилагательных вообще не характерно для «Древнейшего сказания».

Таким образом, язык «Сказания о призвании варягов» существенно отличается от языка «Древнейшего сказания» широким использованием парных синонимичных словосочетаний, принадлежащих к различным грамматическим и семантическим категориям: субстантивным и вербальным, не имеющим параллелей в остальном тексте «Древнейшего сказания», и атрибутивным, которые в ограниченном числе присутствуют в нем. Если субстантивные и вербальные словосочетания обнаруживают семантическую устойчивость при возможной вариативности конкретных лексем, то атрибутивные окказиональны и неустойчивы. Язык «Сказания о призвании», таким образом, как представляется, во-первых, сохранил элементы фольклорной основы в гораздо большей степени, нежели другие повествования, восходящие к устной традиции, во-вторых, включал значительное количество «юридических» формул, что подтверждает «теорию ряда» (по определению П. С. Стефановича), составлявшего историческое «ядро» повествования [Мельникова, Петрухин]¹⁰.

Насыщенность парными словосочетаниями «Сказания о призвании» не имеет параллелей в остальном тексте «Древнейшего сказания», и тем удивительнее присутствие аналогичных двухкомпонентных структур в памятнике, имеющем совершенно иное происхождение, — включенном в ПВЛ договоре руси с греками 911 г., и только в нем. Как считается, русско-византийские договоры были переведены на древнерусский язык ближе к концу

⁹ В фольклористике это считается сигналом ослабления синтаксической связи между компонентами репрезентативной пары [Артеменко, Бобунова, с. 15–17].

¹⁰ Критику «теории ряда» см.: [Стефанович], который, тем не менее, усматривает в «Сказании» отражение неких исторических реалий, однако, как и подавляющее большинство других исследователей, интерпретируя его в контексте «Древнейшего сказания», то есть текста, условно говоря, начала XI в., полагает, что то же значение «Сказание о призвании» имело и в период его возникновения, на сто лет раньше.

XI в. с греческих копий оригиналов [Malingoudi]. Отмечалось при этом, что «текст договора 911 г. содержит больше ошибок и архаизмов, чем текст договора 944 г., и более слепо следует греческому оригиналу» [Каштанов, с. 5]. Однако именно в нем, в отличие от других договоров, в преамбуле и эсхатоколе присутствует значительное количество синонимических парных словосочетаний¹¹: «Равно другаго свещания... Мы от рода рускаго... иже послани от Олга, великого князя рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь, и его великих бояръ, к вам, Лвови и Александрови и Костянтину... **на удержание и на извещение** от многих лѣт межи хрестианы и Русью бывшею любовью, похотѣнем наших великих князь и по повелѣнию от всѣх, иже суть под рукою его сущих руси. Наша свѣтлость болѣ инѣх хотящи еже о бозѣ **удержати и извѣстити** такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многожды, право судихомъ, не точью просто словесемъ, и писанием и клятвою твердою, кленшеся оружием своим, такую любовь **утвердити и известити по вѣре и по закону** нашему... но потщима, елико по силѣ, на сохранение прочих и всегда лѣт с вами, грекы, **исповеданием и написанием** со клятвою извещаему любовь **непревратну и непостыжну**. Тако же и вы, грекы, да храните такую же любовь ко княземъ нашим свѣтлым руским... **несоблазну и непреложну** всегда и во вся лѣта...

На **утверженье же и неподвижение** быти меже вами, хрестьяны, и Русью, бывший миръ сотворихом... Мы же кляхомся ко царю вашему, иже от бога суща, яко божие здание, **по закону и по покону** языка нашего, не преступити нам, ни иному от страны нашея от уставленных главъ **мира и любви**. И таковое написание дахом царства вашего на утверждение обоему пребывати таковому совещанию, **на утверждение и на извещение** межи вами бывающаго мира...»¹²

Как и в «Сказании о призвании», в договоре присутствуют многочисленные (12) парные словосочетания, как субстантивные («на утверженье же и неподвижение», «по вѣре и по закону», «исповеданием и написанием», «по закону и по покону» и др.), так и вербальные и атрибутивные. Некоторые пары обнаруживают вариативность компонентов, («на удержание и на извещение» / «на утверждение и на извещение»). Две синонимичные вербальные пары («удержати и извѣстити», «утвердити и известити») полностью соответствуют субстантивным парам, что говорит об их особой (формульной) устойчивости. Как и в других парах словосочетаний, в атрибутивных парах также наблюдается варьирование в рамках синонимии: любовь «непревратна и непостыжна» / «несоблазна и непреложна».

Полное отсутствие парных словосочетаний в договоре 944 г. и «размытость» словосочетания «мир и любовь» в договоре 971 г. («хочю **имѣти миръ и свершену любовь**»), известного по договору 911 г., безусловно, свидетельствуют о специфике языка последнего. Близкий по времени к формированию «Сказания о призвании варягов» (а соответственно, и к заключению «ряда»), договор 911 г. обнаруживает ту же особенность языка, что и «Сказание о призвании», — его насыщенность парными словосочетаниями. При этом в договоре практически все словосочетания принадлежат лишь одной семантической группе — правовой лексике, тогда как в «Сказании» — тексте нарративном — к ней принадлежит лишь часть словосочетаний. Может ли эта особенность означать, что в преамбуле и эсхатоколе договора 911 г., хотя он и составлялся в традициях византийской дипломатической практики, были сохранены формулировки «речей» русских послов с характерными для устной традиции парными словосочетаниями?

Литература

- Артеменко Е. Б., Бобунова М. А. Репрезентативные пары и их модификации в свете фольклорной парадигмы и синтагматики // Синтагматика и парадигматика фольклорного слова. Курск, 1992. С. 3–19.
- Багликова И. В. Композиты в фольклорном тексте (на материале былин Печоры). АКД. Курск, 2005.
- Гимон Т. В. К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 748–800.
- Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игоревы...: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. С. 147–181.
- Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996.
- Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. 1990 г. М., 1991. С. 219–229.
- Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
- Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // ЧОИДР. 1902. Кн. 4. С. 1–50.
- Стефанович П. С. «Сказание о призвании варягов», или Origo gentis russorum? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 514–583.
- Творогов О. В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // ТОДРА. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 277–284.
- Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.
- Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж, 1981.
- Шайкин А. А. Повесть временных лет: История и поэтика. М., 2011.
- Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.
- Malingoudi J. Die russisch-byzantinischen Vorträge des 10. Jhds. aus rechtshistorischer Sicht: Ein erster Deutungsversuch // Byzantinoslavica. 1997. Bd. LVIII. S. 233–250.

¹¹ В приводимом ниже тексте полужирным шрифтом выделены парные словосочетания.

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 32–33, 37.

Schramm G. Die erste Generation der altrussischen Fürsten-dynastie. Philologische Argumente für die Historität von Rjurik und Brüdern // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1980. Bd. 28. S. 321–333.

Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934.

Elena A. Melnikova

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

SOME REMARKS ON THE LANGUAGE
OF THE TALE ABOUT THE INVITATION OF VARANGIANS

The article deals with a specific feature of the language of the *Tale about the Invitation of Varangians* – the usage of pair synonymic word combinations (substantive, verbal, and adjective) that are typical for folklore texts but are alien to other parts of the chronicles. The same types of word combinations are found in the preamble and eschatocol of the Russian-Byzantine treaty of 911. This peculiarity might witness the reflection of a kind of ‘juridical language’ used in both the treaty with the Varangians (the core of the *Tale*) and the treaty of 911.

Keywords: the *Tale about the Invitation of Varangians*, pair synonymic word combinations, Russian-Byzantine treaty of 911

УДК 930 ББК 63.3(2)41 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0021

А. В. Назаренко

ИВИ РАН, ИРИ РАН, Москва, Россия. avnazarenko-hist@yandex.ru

КОЕ-ЧТО О ДВУХ РУССКИХ МИТРОПОЛИТАХ XI В.
ЕФРЕМЕ КИЕВСКОМ И ЕФРЕМЕ ПЕРЕЯСЛАВСКОМ

Сведения о древнерусских митрополитах середины – второй половины XI в. Ефреме Киевском и Ефреме Переяславском часто смешиваются вследствие их тезоименности. Автор стремится внести некоторую ясность в этот вопрос, полемизируя с недавней попыткой отождествить оба персонажа.

Ключевые слова: Киевская митрополия, Переяславская митрополия, евнухи

Замечательным открытием последних десятилетий стало обнаружение в одном из греческих сборников Ватиканской библиотеки *cod. Vatic. gr. 828* (XIII–XIV в.) антилатинского сочинения киевского митрополита середины XI в. Ефрема¹, которое, таким образом, открывает довольно представительный ряд полемических текстов против латинян, созданных во второй половине XI–XII в. иерархами Русской церкви [Подскальски, с. 280–303].

О Ефреме известно очень мало, хотя в этом отношении он едва ли сильно отличается от других митрополитов домонгольской Руси. Но в данном случае скудость сведений осложнена еще одним обстоятельством – наличием другого тезоименитого ему митрополита Ефрема, который занимал кафедру в Переяславле Русском (Южном) в течение всей последней трети XI в. [Назаренко, 2008б; Хрусталеv]. Эта опасная одноименность совсем недавно привела даже к историографическому казусу – попытке вообще изъять Ефрема из списка киевских митрополитов, объявив его фигурой вполне легендарной, а имеющиеся о нем сведения – отчасти относящимися к Ефрему Переяславскому, отчасти же плодом недоразумения [Толочко, с. 73–82].

Столь радикальный опыт, на наш взгляд, удачным признать нельзя, причем не в последнюю очередь тому препятствует как раз антилатинский трактат.

Да, заглавие этого сочинения, в котором оно приписывается «Ефрему, боголюбивейшему митрополиту России» («Εφραίμ τοῦ θεοφιλεστάτου μητροπολίτου Ῥωσίας...»), само по себе не может служить безоговорочным свидетельством того, что речь идет именно о Ефреме Киевском. Так, «митрополитом России» поименован и Ефрем Переяславский в документах константинопольского синода от сентября 1089 г. в период вакантности киевской кафедры² [Назаренко, 2016, с. 265–269]; кроме того, печать «Ефрема, протопроедра и митрополита России», в своде В. Л. Янина отнесенную к киевскому Ефрему³, было бы позволительно переатрибутировать Ефрему Переяславскому, как подсказывает изображение на реверсе фигуры архангела – возможно, Михаила, которому был посвящен кафедральный собор в Переяславле Русском [Назаренко, 2009, с. 232, примеч. 97; Назаренко, 2008б, с. 38]. Куда сложнее согласовать предположение об авторстве Ефрема Переяславского с содержанием трактата и его археографической судьбой, а именно тем фактом, что текст сохранился только в греческом оригинале. Конечно, это не исключение – только в греческих списках сохранилось также и антилатинское сочинение переяславского митрополита Леонтия 70-х годов XI в. [Рорре], но в данном случае

¹ Čičurov I. Ein antilateinischer Traktat des Kiever Metropoliten Ephraim // *Fontes Minores*. Frankfurt, 1998. T. 10. S. 319–356 (греческий текст трактата — S. 343–345); в русском переводе этой статьи [Чичуров, 2007, с. 241–264] издание памятника, к сожалению, опущено; о сочинении Ефрема см. также: [Чичуров, 1996; Назаренко, 2008а].

² Holtzmann W. Die Unionsverhandlungen zwischen Kaiser Alexios I. und Papst Urban II. im Jahre 1089 // *Byzantinische Zeitschrift*. München, 1928. Bd. 28. S. 61; Becker A. Papst Urban II. Stuttgart, 1964. Teil 1. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica. Bd. 19/1). S. 217 (по изданию В. Хольцманна).

³ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1: Печати X – начала XIII в. № 42.

